

рала Ф. Ф. Ушакова. Как показали исследования М. М. Герасимова, сохранившийся живописный портрет адмирала Ушакова не соответствует особенностям строения черепа, в частности, очень широкой нижней челюсти, и дан в условной манере придворных живописцев XVIII в. При общем сходстве сохранившегося живописного портрета и скульптуры Герасимова последняя гораздо убедительнее передает энергичный облик знаменитого русского флотоводца.

Книга М. М. Герасимова, являющаяся итогом серьезного, более чем двадцатилетнего научно-исследовательского труда, освещает крупное научное открытие автора, добившегося портретной реконструкции лица человека по его черепу. М. М. Герасимов, археолог, антрополог и скульптор, подлинный новатор в науке, разработал научную методику восстановления лица человека по черепу, обогатив нашу страну большим открытием в новой области, в которой, как и в ряде других областей, советская наука опередила зарубежную.

М. М. Герасимов подошел к решению этой проблемы как советский ученый, владеющий методом марксизма-ленинизма в науке. При осуществлении своей работы он исходил не из идеалистических представлений, свойственных зарубежной буржуазной науке об отсутствии прямой связи между костной и мягкими тканями лица человека, а, наоборот, из представления о самой тесной связи и взаимной обусловленности формы и функции костной ткани и мягких частей лица и черепа, связанных с развитием и изменчивостью всего организма в целом. Эти положения он блестяще иллюстрировал рассмотрением возрастной изменчивости в строении лица, о чем мы уже говорили выше.

В своих реконструкциях различных расовых типов М. М. Герасимов был свободным от расистских предрассудков, с точки зрения которых буржуазными учеными прокладывалась резкая грань между различными «высшими» и «низшими» человеческими расами. М. М. Герасимов применял одну и ту же методику при реконструкции лица представителей различных рас. Благодаря этому реконструкции М. М. Герасимова получились объективно точными и соответствующими действительности, тогда как большинство буржуазных авторов предлагали различные способы построения лица по черепу для представителей разных рас, что вело к искажению облика этих людей. Подобные работы вели к утрированию расовых различий у человека.

Наконец, нельзя не отметить еще одной принципиальной особенности в методике Герасимова по сравнению с прежними реконструкциями зарубежных авторов. М. М. Герасимов в своих работах воспроизводит живой облик лица, точно соответствующий краниологическим данным, а не отвлеченный «средний» тип представителя той или иной расы.

Наконец, М. М. Герасимов при оформлении антропологического типа и этнического облика своих скульптур тщательно изучал археологические, исторические и этнографические данные. При создании скульптур исторических деятелей автором работы учитывались особенности исторической эпохи и этнической среды (ср., например, реконструкции лиц Ярослава Мудрого, Тимура, адмирала Ушакова и др.).

Значение работ М. М. Герасимова исключительно велико для различных областей знания. Прежде всего надо отметить, что, создав методику реконструкции лица по черепу и добившись получения индивидуального портретного сходства, М. М. Герасимов, по существу, дал основы для создания новой отрасли антропологии. Целый ряд точных наблюдений о взаимосвязи между костной основой черепа и мягкими тканями войдет в практику работы антропологов и анатомов, что в дальнейшем может быть использовано в прикладных знаниях, как например, в области хирургической медицины и, в более широком объеме, чем теперь, — в криминалистике.

Значение работ М. М. Герасимова для освещения проблем антропогенеза и этногенеза трудно переоценить. Созданные М. М. Герасимовым убедительные образы ископаемых типов древних людей могут быть широко использованы в популяризации наших знаний о происхождении человека. При изучении проблем этногенеза использование данных не только краниологии, но и портретных реконструкций расширяет возможность сопоставления антропологических типов древнего населения с современным как

для антропологов, так и для историков и археологов. М. М. Герасимов в ряде случаев сам, используя данные археологии и полученные им реконструкции, успешно освещает вопросы формирования населения отдельных областей (см., например, главу о фатьяновской культуре, стр. 93—98).

Подробное рассмотрение всех разделов, посвященных автором конкретному освещению проблем этногенеза для разных эпох и народов, нуждается в специальной статье и не может быть дано в этой рецензии из-за недостатка места.

Восстановление облика исторических лиц, данное в работе Герасимова, имеет широкое общекультурное значение. Можно не сомневаться в том, что реконструированные Герасимовым объективные, правдивые образы исторических деятелей послужат материалом для художников и скульпторов при создании образов великих людей прошлого. Наконец, возможность восстанавливать облик раньше живших людей по черепу имеет широкое значение в популяризации исторических, археологических и антропологических данных, для преподавания в высшей и средней школе, в музеях и научно-популярных лекциях.

К недостаткам книги следует отнести, может быть, излишне краткое изложение техники реконструкции, что ставит перед автором необходимость подготовки и издания специальной инструкции.

Книга М. М. Герасимова завершает определенный этап работы автора над реконструкциями. Как он сам указывает, им заложены лишь основы восстановления лица по черепу. Перед автором еще стоит большая задача углубления и расширения научно-исследовательской работы для реконструкций различных морфологических и расовых типов. Необходимо также накопление материала для уточнения методики при построении женского и детского лица.

Книга Герасимова — большое событие в истории советской науки. Открытие метода пластической антропологической реконструкции, над которым безуспешно работали десятки зарубежных буржуазных исследователей, оказалось под силу лишь передовому советскому ученому-материалисту.

Т. Трофимова

В. В. ПАВЛОВ, Египетская скульптура в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Малая пластика, Издательство ГМИИ, 1949, 96 стр. + таблицы, цена 18 руб., тираж 2 500 экз.

В Советском Союзе имеется всего два крупных собрания египетских древностей — Гос. Эрмитаж и ГМИИ, зато по составу своему оба они превосходны. Они включают в себя не только папирусы, заслуженно пользующиеся мировой известностью, и одно из лучших собраний коптских тканей и фаяомских портретов, но также первоклассные памятники скульптуры и прикладного искусства. Однако далеко не все памятники наших музеев опубликованы; имеющиеся описания кратки, не полны и, кроме того, не отражают ни современного состояния науки, ни самих собраний, значительно разросшихся за счет частных собраний, ставших после Великой Октябрьской социалистической революции достоянием народа.

Будучи неизданными или изданными в виде кратких описаний, интереснейшие египетские памятники отечественных музеев остаются почти вне внимания ученых. В недостаточной известности наших собраний повинны музейные работники, и в первую очередь работники египетского отдела Эрмитажа. Действительно, за все время они не выпустили ни одного описания своих фондов, если не считать более или менее кратких путеводителей по выставкам. Два тома «Истории искусства древнего Египта» и четыре тома «Трудов отдела Востока» свидетельствуют о том, что научные сотрудники отдела древнего Востока неверно понимают свои задачи. Вместо того, чтобы издавать действительно превосходные памятники, которые находятся в их ведении, они предпочитают

писать на совершенно иные темы¹. Подобная практика явно порочна, так как основная задача печатных изданий музеев заключается в публикации памятников.

Заслуживает всяческого одобрения инициатива ГМИИ, выпустившего в свет описание хранящегося в нем собрания древнеегипетской мелкой пластики. Работа проф. В. В. Павлова содержит публикацию значительного количества памятников, не вошедших в свое время в составленное Б. А. Тураевым и В. К. Мальмбергом «Описание египетского собрания. I. Статуи и статуэтки Голенищевского собрания» (Петроград, 1917). Наряду с уже издававшимися ранее памятниками в книге дано описание 30 до сих пор не изданных предметов мелкой пластики и прикладного искусства, относящихся к различным периодам. Многие из них представляют значительный интерес. Таковы, например, голова из собрания Б. В. Фармаковского (табл. 32—33), голова негра времени XXV династии (табл. 38), туалетная ложечка периода Амарны (табл. 42), скульптурные модели I тысячелетия н. э. (табл. 61—64) и т. д. Автор значительно дополняет и во многом исправляет ныне устаревшую, но ценную в свое время книгу своих предшественников. Таким образом, мы получили по существу новое описание этого собрания ГМИИ, стоящее в научном отношении на значительно более высоком уровне.

Однако автор не ограничил свои задачи только публикацией упомянутого собрания мелкой пластики, он пытается также поставить «интереснейший вопрос о специфичности этой пластики как вполне своеобразного жанра не только в египетском, но и во всем мировом искусстве» (стр. 5).

Отдавая должное названной выше работе Б. А. Тураева и В. К. Мальмберга, «никогда не порывавших с историзмом» и «счастливице избежавших» формально-искусствоведческой постановки проблемы, зашедшей в тупик немецкую науку, да и многих буржуазных ученых других стран, В. В. Павлов указывает на отсутствие в ней модернизации, расистских теорий и некоторых других порочных взглядов, широко присущих их современникам на Западе. Нельзя, однако, согласиться с тем, что основные недостатки Б. А. Тураева и В. К. Мальмберга сводятся у первого «прежде всего в оценке им древневосточного общества, как общества феодального», а в очерке второго о египетских статуэтках — к «ограниченности главным образом анализа и отсутствию должного обобщения» (стр. 7). Дело не только в этом. Кстати сказать, феодализм выступал у Тураева куда меньше, чем у Эд. Мейера и Д. Брестеда. Для нас неприемлемо прежде всего идеалистическое, богоискательское, поповское мировоззрение этого ученого. Далеко не свободен был от идеализма и В. К. Мальмберг.

Значительно глубже и полнее критика, даваемая В. В. Павловым взглядам немецких египтологов-искусствоведов — Г. Шефера, Т. Феххеймер и других, которым свойственна «нивелировка стилистических характеристик, недооценка, а порою и совершенно игнорирование содержания, всякая утеря специфики стиля, игра умозрительными категориями, не вытекающими из анализа памятника, игра умозрительными категориями, не вытекающими из анализа памятника, по привносимыми в этот анализ извне» (стр. 9). Автор противопоставляет порочные методы буржуазных египтологов достижениям советских ученых, наметившим законы возникновения, развития и упадка древневосточных обществ, а следовательно, и его идеологии.

Застойность египетского общества, обусловленная неоднократно подчеркиваемой основоположниками марксизма ролью общины, способствовала длительному сохранению в нем форм первобытно-общинной идеологии: «Египетское искусство было неразрывно связано с религиозно-магическими представлениями египтян», — говорит автор (стр. 12). Эти положения вполне убедительно подтверждаются анализом памятников. По мнению автора, египетскому искусству в целом присуща монументальность; величина того или иного произведения искусства в этом смысле почти никакой роли не играет (стр. 14). Однако это мнение ошибочно. В произведениях малой пластики, поскольку сфера их применения была иной, чем монументальной скульптуры, художник отступал от связующих норм канона и в большей степени отдавался свободному творчеству. Здесь заметнее проступают следы народного искусства. Характерно для малой пластики также «единство монументального и

¹ Исключение составляют одни лишь контские ткани.

декоративного начал» (стр. 17). Декоративность, как верно подмечает В. В. Павлов, особенно характерна для периода Нового царства. В это время очень четко проявляется еще одна черта малой пластики — связь ее с прикладным искусством. Автор возражает против термина «прикладное искусство», особенно для данной эпохи, когда отдельные виды искусства еще не обособились, ибо провести грань между ним и собственно пластикой невозможно. Однако с этим утверждением автора полностью согласиться нельзя. Думается, что эта грань существовала и была обусловлена практическим назначением предметов. К сожалению, автор не касается этой стороны вопроса, и в этом его ошибка. В. В. Павлов в конечном итоге все же не ответил на основной вопрос: что такое малая пластика? Правильно указав на принципиальное единство последней с монументальной скульптурой, он в это же время выделяет ее в отдельную группу, не отмечая, какие принципы должны быть при этом положены в основу. Таким образом, стирается специфичность самого понятия «малая пластика». Думается, что при абстрагировании от ее утилитарного назначения установить данное понятие невозможно.

Работа В. В. Павлова выгодно отличается от «Описания» Б. А. Тураева и В. К. Мальмберга тем, что она представляет собой не каталог или инвентарь, как это обычно бывает в подобного рода изданиях, а именно публикацию памятников. Автор полностью, хотя и в сжатой форме, развертывает перед читателем доводы, заставляющие дать то или иное определение, ту или иную датировку отдельным произведениям. Они свидетельствуют о превосходном знакомстве В. В. Павлова с собраниями других музеев, что, конечно, оказывает ему существенную помощь при определении и датировке ряда скульптур. Острая наблюдательность позволяет автору подметить такие особенности, которые остались незамеченными прежними издателями, а также метко характеризовать многие памятники в обычно четких и ясных описаниях.

Так, например, он подчеркивает присущие мелкой пластике Нового царства «декоративные устремления», так как «обогащение рабовладельческого класса в условиях сложившейся экономики, в условиях дворцового представительства влечет за собой погоню за роскошью, нарядностью» (стр. 46). Можно указать еще на яркую характеристичность портретной скульптуры позднего времени, в частности, времени правления Эфиопской (XXV) династии (стр. 71—73), или на доказательства местного происхождения фигурных сосудов, которые английский ученый Бэдж считал изделиями кипрских или сирийских мастеров, или, наконец, на заметку о скульптурных моделях (стр. 91—94).

В ряде случаев В. В. Павлов предлагает убедительные новые датировки, уточняет и исправляет старые. Скульптурная группа супружеской четы (табл. 30—31) должна быть, по его мнению, отнесена не к XIX династии, как это предложили Б. А. Тураев и В. К. Мальмберг, а к концу XV в. до н. э. Тем же временем, т. е. периодом Амарны, датируется и превосходной работы туалетная ложечка из дерева (табл. 42). Сопоставление головы мужчины из известняка, которую Б. В. Фармаковский датировал XVIII—XIX династиями, с рельефами из гробницы Хаемхата — современника Аменхотепа III, позволяет значительно уточнить время ее изготовления. Таким образом, советская египтология получила действительно хорошую монографию, содержащую интересные наблюдения и обширный и свежий материал.

Отдавая должное весьма ценной в целом работе В. В. Павлова, нельзя, однако, закрывать глаза на ее недостатки, достаточно существенные с точки зрения научной методики, поскольку они нарушают основные принципы издания памятников. Прежде всего отсутствуют надписи, начертанные на многих предметах. Хотя В. В. Павлов «приводит в настоящей книге имена и титулы изображенных в тех случаях, когда они имеются на статуэтках, а на весь иероглифический текст отсылает к книге Тураева» (стр. 5), это явно недостаточно. «Описание» Б. А. Тураева представляет большую редкость, что замечает и сам автор, и очень неудобно за каждой справкой обращаться к нему. Кроме того, переводы Тураева устарели. Таким образом, В. В. Павлов не имел никаких оснований отказываться от воспроизведения надписей, лишая тем самым историка и филолога необходимых источников, снижая ценность своей работы.

Одним из основных требований, предъявляемых наукой при издании памятни-

ков, является указание на их происхождение. К сожалению, во многих случаях для собраний ГМИИ нет возможности установить происхождение памятников. Однако даже тогда, когда соответствующие указания имеются в «Описании» Б. А. Тураева¹, В. В. Павлов не считает нужным их привести, хотя многие данные о собрании Голещищева имеются в архиве ГМИИ.

Не установив сущности понятия «малая пластика», В. В. Павлов, естественно, не мог быть последовательным в отборе вещей, так как, повторяем, грань между ею и монументальной скульптурой можно установить только условно. Публикуя скульптурную группу супружеской четы (фронтиспис), высота которой достигает 50 см, он почему-то опускает некоторые статуэтки, изданные в свое время Б. А. Тураевым и В. К. Мальмбергом, хотя их величина значительно меньше². Таким образом, неизвестно, чем руководствовался В. В. Павлов, отказываясь от включения этих статуэток в свою книгу, а читатель остается при ошибочном представлении, что его вниманию предлагается описание всего собрания малой пластики ГМИИ, так как никаких соответствующих оговорок нигде не сделано.

Неясно, какой принцип положен в основу последовательности описаний: если хронологический, что представляется наиболее вероятным и наиболее логичным, то непонятно, почему таблицы 30—31 отделены от таблиц 36 и 37, хотя относятся к тому же периоду Амарны, и почему группа, датируемая IV династией (табл. 4), следует после статуэтки V династии (табл. 3) и т. д.

Выше уже отмечалось, что в общем описания памятников удачны и стоят на должном методологическом уровне, однако в отдельных случаях они сводятся только к описанию и формальному анализу. Имеются также немногочисленные случаи, когда неясными остаются мотивы, заставляющие В. В. Павлова датировать некоторые памятники тем или иным временем. Например, почему статуэтку носильщика (табл. 19) следует отнести к началу Среднего царства, а не к концу Древнего?

В. В. Павлов тщательно потрудились над каждым описанием в отдельности, и ему удалось поэтому почти полностью избежать ошибок и неточностей. Во всяком случае их немного. Отдавая должное трудам В. К. Мальмберга, не следует все же называть его «крупнейшим антиковедом своего времени» (стр. 7). Это не только не соответствует истине, но и несправедливо по отношению к памяти других ученых того времени, в частности Б. В. Фармаковского. Непоследовательна и неверна порою транскрипция египетских собственных имен. Нельзя писать имя царицы Яхмосенофритари — Ахмосенофритари (стр. 48). Это заимствование французской огласовки. Ведь тут же сам В. В. Павлов говорит о ее супруге фараоне Яхмосе I, правильно называя его. Под влиянием, видимо, той же иностранной литературы, на которую автор ссылается, имя Уах-иб-Ра передается «Уах-аб-Ра» (стр. 55), а Тетишери — Тетишера (стр. 48).

Книга написана легко и доступно, однако встречаются и неудачные выражения, режущие слух. Так, едва ли стилистически приемлемы фразы — «появляются совершенно иная трактовка образа и другая... организация лица» (стр. 32); «... наш писец без труда укладывается в портретное искусство» (стр. 39). Подобного рода примеры можно умножить. Опечаток немного, но не все они отмечены. Так, книга бельгийского египтолога Капара вышла не в 1940 г., а в 1904 (стр. 6), что, впрочем, далее верно указывается в примечании. Модель лодки датируется не II, а XII династией (стр. 45).

Книга оформлена тщательно, издана на хорошей меловой бумаге, большинство клише удачно, но некоторые все же недостаточно четки — например, таблицы 4, 59, 61, правый ушебти на табл. 44. Жаль, что издательство не снабдило книгу переплетом. Конечно, монография эта специальна, но, принимая во внимание огромный интерес в нашей стране к культурному наследию прошлого и наличие тысяч библиотек, следует признать, что тираж в 2500 экз. явно недостаточен. Она скоро сделается такой же би-

¹ См., например, №№ 4, 18, 19, 31, 35 и т. д. по «Описанию» Б. А. Тураева и В. К. Мальмберга.

² Там же, № 12 — выс. 33 см, № 18 — выс. 14,3 см и т. д.

блиографической редкостью, как ее предшественница — «Описание» Б. А. Тураева и В. К. Мальмберга.

Остается пожелать, чтобы В. В. Павлов продолжил удачно начатую им публикацию сокровищ, хранящихся в отделе Востока ГМИИ. Там их еще много, и ознакомление с ними советского читателя — дело нужное и благодарное.

И. С. Кацнельсон

В. ТАРН, Эллинистическая цивилизация. Перевод С. А. Ляскового. Предисловие С. И. Ковалева, М., 1949, 372 стр., цена 19 руб.

Перевод фундаментального труда В. Тарна, самого крупного английского специалиста по истории эллинизма, должен, с одной стороны, познакомить советского читателя с новым обширным материалом, с другой — воочию показать порочность его концепции, его фальсификацию истории эллинизма. Правда, Тарн не махровый реакционер, не Ростовцев, но именно потому, что его модернизация более завуалирована и узнать его подлинную сущность труднее, именно поэтому важно было дать советскому читателю эту книгу так, чтобы он мог взять нужный ему фактический материал и самостоятельно в нем разобраться, если он даже и не является специалистом по истории эллинизма. Само издание перевода полезно по ряду соображений. Настоящий труд Тарна посвящен эллинистической цивилизации. Такой работы, строго говоря, еще не появлялось. Предыдущие труды по истории эллинистической цивилизации ставили другие задачи. И только данная книга посвящена изучению эллинистической цивилизации в целом. Притом автор понимает слово «цивилизация» в широком смысле: сюда входят и социально-экономические отношения, и явления культуры в обычном понимании этого слова — литература, наука, искусство и философия. В книге использованы многочисленные источники: античные авторы, надписи, папирусы, археология; интересные данные о ценах на рабов (гл. III, стр. 112), данные об экономике эллинистической торговли Египта (гл. V) и Азии (гл. IV). Много материала и об эллинистической торговле (гл. VII). Очень компактно даны главы по культуре. Несмотря на их неполноту и конспективный характер они все-таки представляют основной материал по литературе, искусству, философии и религии эллинизма.

К сожалению, книга издана без достаточного раскрытия концепции Тарна, и, что всего хуже, опущены в некоторых случаях те места, которые ярче всего показывают эту концепцию. Нет также того научного аппарата, который есть в английском издании. Нет ни указателя, ни библиографии. Примечания в книге — перевод примечаний самого Тарна, притом они даны так, что не всегда понятны даже специалисту. Многие заграничные издания даны в сокращениях, а список сокращений не приложен.

Но ведь нужно не это. При переводе работ крупных буржуазных ученых надо было дать примечания, которые бы ориентировали читателя, указывали на принципиальные ошибки и извращения Тарна, на неправильные толкования фактов, на новые исследования советских ученых по тому или иному вопросу, неправильно освещенному у Тарна. Но ничего подобного нет, и читателю предоставляется некритически следовать за Тарном. Это большая вина редактора и издательства.

Еще важнее другой недостаток. Перевод дан не полностью, выпущены некоторые, весьма характерные места. Например, в конце книги (стр. 323 оригинала) Тарн, подводя итог всей своей работе, говорит о том, что эллинистический мир представляет особый интерес именно потому, что из него произошло христианство и что эллинизм проложил путь христианству. Далее автор заявляет, что эллинизм признавал бессмертие только некоторых выдающихся людей, не был основан на «любви» и «гуманности», не обращался к беднякам, мытарям и грешникам. «Те, кто работал и был тяжело обременен, должны были радостно приветствовать новую надежду, отличную от всех тех, которую мог предложить им эллинизм». Книга заканчивается заявлением о том, что «эллинизм вымостил дорогу христианству». Таким образом, Тарн видит главный смысл и «актуальность» всей своей работы именно в том, что эллинистическая цивилизация